

Конфликтный паратакис в современной прозе

С. А. Соловьева

Conflict parataxis in modern prose

S. A. Soloveva

Светлана Александровна Соловьева – доктор филологических наук, профессор; Череповецкий государственный университет, Череповец, Российская Федерация

E-mail: ssa_doc@mail.ru

Статья поступила. 15.04.2023. Принята к печати: 30.04.2023.

В статье на материале современной постмодернистской прозы рассматриваются синтаксические конструкции с конфликтным паратакисом, конфликтность которых создается внутренней семантической несогласованностью компонентов, разорванностью, отрывистостью, перекомпоновкой фрагментов в параллельные группы. В их состав включаются структуры простого предложения с однородными членами, сложные предложения с параллельным подчинением и сложное синтаксическое целое. Процесс их структурирования соотносится с принципами когнитивной обработки объективной действительности человеческим сознанием. Многообразие анализируемых структур с точки зрения лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов, их порядка формирует коммуникативно-прагматическую однородность и конфликтность семантики. Непрототипичность конструкций с конфликтным паратакисом расширяет их прагматический потенциал, что продемонстрировано на фрагментах прозы Б. Пастернака, а также В. Пелевина, Т. Толстой, З. Прилепина. Структурирование паратакисического ряда на основании какой-либо общности (общей семы, способа выражения, функции, предтекста, исторического контекста) формирует в сознании читателя ощущение однородности и создает условия для вариативных интерпретаций. Многообразие анализируемых структур в плане лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов ряда, порядка их расположения позволяют говорить об особом типе коммуникативно-прагматической однородности компонентов паратакисического ряда. Анализ приведенного материала приводит к выводу о том, что конфликтный паратакис в современной постмодернистской прозе является одним из продуктивных приемов, создающих её симультанность, фрагментарность, дискурсивность.

Ключевые слова: сочинительные структуры, паратакисическая конструкция, конфликтный паратакис, коммуникативно-прагматическая однородность

УДК 811.161.1:81.367

Svetlana A. Soloveva — Dr. Sci. in Philology, Professor; Cherepovets State University, Cherepovets, Russian Federation

ORCID 0000-0001-7688-2108

Received: 15/04/2023. Accepted for publication: 30/04/2023.

Based on the material of modern postmodern prose, the article examines syntactic constructions with conflict parataxis, the conflicting nature of which is created by the internal semantic inconsistency of the components, fragmentation, abruptness, rearrangement of fragments into parallel groups. They include structures of a simple sentence with homogeneous members, complex sentences with parallel subordination and a complex syntactic whole. The process of their structuring correlates with the principles of cognitive processing of objective reality by human consciousness. The diversity of the analyzed structures in terms of lexical-semantic content, valence properties of components, their order forms communicative-pragmatic homogeneity and conflict semantics. The non-prototypicality of constructions with conflict parataxis expands their pragmatic potential, which is demonstrated in fragments of the prose of B. Pasternak, as well as V. Pelevin, T. Tolstoy, Z. Prilepin. Structuring a paratactic series on the basis of some commonality (common seme, mode of expression, function, pretext, historical context) creates a sense of homogeneity in the reader's mind and creates conditions for variable interpretations. The diversity of the analyzed structures in terms of lexico-semantic content, valence properties of the components of the series, the order of their arrangement allow us to speak of a special type of communicative-pragmatic homogeneity of the components of the paratactic series. The analysis of the presented material leads to the conclusion that the conflict parataxis in modern postmodern prose is one of the productive methods that create its simultaneity, fragmentation, and discursiveness.

Keywords: coordinative structures, conflict parataxis, paratactic construction, communicative-pragmatic homogeneity

OECD: 6.02.QD

V

Постановка проблемы. В синтаксическом аспекте сочинительные конструкции исследовались давно. Наибольшую значимость имеют работы В. В. Виноградова, С. Г. Ильенко, И. Н. Кручининой, Н. С. Поспелова, А. А. Потевни, А. Ф. Прияткиной, К. Я. Сигала, Е. М. Ширяева и других. Традиционно и в отечественной, и в зарубежной лингвистике выделяется два типа сочинения: членов предложения (конструкции с однородными членами) и предложений. Это разделение можно считать общепринятым [Бабайцева, 2010]; [Белошапкина, 1977]; [Валгина, 2003]; [Ильенко, 2003]; [Русская грамматика, Т. II, 1980].

Термин «однородность» используется в разных значениях:

- 1) для указания на однородную близость, сходство;
- 2) для указания на вхождение в сочинительную конструкцию [Бабайцева, 2010];
- 3) как синоним сочинения [Гвоздев, 1973, с. 135].

Разграничение между сочинением членов и предложений снимается в концепции В. З. Санникова, в рамках которой автор выделяет несколько типов однородности:

1) лексико-семантическая однородность (члены функционально разнотипны, но воспринимаются как однородные) характеризуется наличием между членами определенной семантической близости и ненасыщенностью обязательной валентности, отсутствием морфологического согласования сочиняющихся членов;

2) функциональная однородность – однородность, для которой характерно соотношение с одной функцией нескольких лексем, а также отсутствие морфологического согласования сочиняющихся членов, заполненность валентностей;

3) коммуникативная однородность – однородность, при которой члены соединяются сочинительными союзами и ощущаются как однородные;

4) модальная (эмфатическая) однородность – однородность, для которой характерно наличие сочинительного союза, а также ярко выраженных модальных показателей (*А мело уже, и не на шутку, и всерьез*) [Санников, 2008, с. 119].

Широкий подход к паратаксису позволяет включать в его состав и сочинение, и бессоюзие [Белошапкина, 1989], [Кручинина, 1990], [Санников, 2008, с. 624], особенно в тех случаях, когда речь идет о рядах однородных членов. В основе такого подхода оказывается логический признак равноправия компонентов и их смысловой и грамматической независимости. С позиций трансформационной грамматики вопрос о сводимости предложения с однородными членами к сложносочиненному решается в рамках теории сочинительного сокращения, где трансформация была объявлена признаком [Werzbicka, 1969]; [Падучева, 1974, с. 161].

Анализ паратаксиса в концепциях структурализма представленный в работах С. О. Карцевского, В. Брэндаля, П. Дидериксена, Л. Теньера подтверждает возможность данного подхода. По мнению Л. Теньера, паратактическая (сочинительная) конструкция представляет собой два означаемых, расположенных на

одном и том же структурном уровне [Теньер, 1988, с. 6]. Особое значение при широком понимании паратаксиста приобретает теория концептуальной интеграции [Fauconnier, Turner 1998], согласно которой структуры исходных (*input*) ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое ментальное пространство, нетождественное исходному, то есть представляет собой новое ментальное пространство со своим значением. Сочинительная связь (паратаксист) соответствует логической операции конъюнкции (сложения). Она не меняет структуры сочинительной модели, но приводит к её разрастанию, «расширению» [Норман, 2012, с. 172].

Широкий подход к паратаксисту и широкое понимание термина «однородность», включающее лексико-семантическую, функциональную и коммуникативную близость компонентов сочинительного ряда, позволяют на уровне анализа текста выявить зону пересечения синтаксических явлений разного уровня: рядов однородных членов в пределах простого предложения, однородных придаточных, бессоюзного сложного предложения, – и определить многообразие семантики синтаксической связи. Основным критерий, объединяющий столь разнообразные синтаксические явления, – отношения ряда, один из главных признаков которых – соположенность компонентов, сходство текстообразующих функций, связанных с когнитивными механизмами авторского сознания, когда сочетание компонентов ряда становится возможным.

Структура паратактической конструкции определяется количеством членов, порядком их следования, наличием/отсутствием союза, его местоположением и некоторыми другими признаками. Паратактический ряд и его компоненты не имеют грамматических ограничений структурирования. Синтаксическая связь определяет характер отношений, которые принципиально значимы на уровне восприятия и интерпретации текста.

Паратактический ряд может быть представлен союзной и бессоюзной связью. Отношения ряда – это отношения общего соединительного значения, однако, по мнению некоторых исследователей, бессоюзные конструкции больше связаны с говорящим, более субъективны [Санников 2008, с. 343], он является одним из способов выражения оценочных смыслов, формирующихся в менталитете человека в результате преломления отражательных знаний. Использование паратактических конструкций в структуре текста обусловлено симультанностью мышления, спецификой когнитивных механизмов памяти, делающих возможным сочетание компонентов ряда.

Цель данной статьи – анализ непрототипических синтаксических конструкций с паратаксистом, которые при наличии общей скрытой интенции сохраняют внутреннюю семантическую несогласованность и могут быть определены как основанные на конфликтном паратаксисте.

Объектом анализа стала современная проза, в которой использование синтаксических паратаксистических конструкций с отношениями ряда является одним из частотных синтаксических приемов.

Методология и методика исследования. В статье предпринимается попытка анализа паратактических конструкций с лингвокогнитивных позиций, создающих

условия для описания явлений паратаксиста как фактов языкового сознания. Применение описательного метода позволило охарактеризовать единицы анализа – паратактические ряды, их компоненты, семантические отношения, синтаксические связи.

Анализ материала. Попытки классифицировать основания, лежащие в основе паратаксиста, многочисленны, но очевидно, что применительно к художественному тексту главным основанием упорядоченности компонентов в паратактической структуре будут являться особенности категоризационной (когнитивной) деятельности автора. Не случайно, выделяя типы однородности (лексико-семантическую, функциональную), особое внимание уделяют коммуникативной и модальной (эмфатической) однородности, при которых члены **ощущаются** как однородные [Санников, 2008, с. 119].

Учитывая, что сочинительные связи не употребляются самостоятельно, а «накладываются» на подчинительные, сочинительные конструкции имеют двойной статус: одновременно реализуется подчинительная связь каждого из сочинительных членов с главным словом или подчинительная связь между самими сочиненными членами. Связи накладываются друг на друга, и обычной характеристикой для паратактических конструкций становится неравноценность элементов, которая предполагает их необратимость в структуре ряда. Изменение порядка приводит к существенному изменению смысла [Пешковский, 1956, с. 59–60]. Ю. Д. Апресян и Т. В. Булыгина считают, что выбор порядка обусловлен тем, что статические глаголы всегда предшествуют динамическим, однако в этом случае можно видеть и временную последовательность событий [Апресян, Булыгина, 1997]. В работе [Cooper, Ross, 1975] порядок связывается с установкой на позитивную программу (ближайшее, взрослое, позитивное, одушевленное, активное, основательное) [Николаева, 1982, с. 48]. М. Б. Бергельсон и А. Е. Кибрик отмечают, что упорядочивание сочинительных членов основано на «иерархических тезаурусных отношениях» [Бергельсон, Кибрик, 1981, с. 353]. Р. Якобсон обращает внимание на тенденцию к отражению порядка описываемых событий по степени важности [Якобсон, 1983, с. 107]. Чаще всего порядок компонентов отражает реальную последовательность событий, т. е. Речь идет об иконичном порядке паратаксиста. Однако в художественных текстах порядок следования компонентов паратактической конструкции, чаще всего, основывающийся на механизмах работы памяти, внутренней логики, пространственной, временной неупорядоченности, не соответствует принципам иконичности.

Неравноценность позиций компонентов в паратактической конструкции интуитивно ощущается автором [Cooper, Ross, 1975]; [Бергельсон, Кибрик, 1981]; [Якобсон, 1985, с. 353]; [Санников, 1989, с. 78–800]. Паратаксист, не меняя структуры синтаксической модели, приводит к её разрастанию. С позиций когнитивной лингвистики, такого рода явление отражает опыт категоризационной деятельности человека, способность к сопоставлению и классифицированию [Норман, 2021, с. 172]. По мнению К. Я. Сигала, структурирование сочинительных отношений – сложный речемыслительный процесс, состоящий из нескольких элементарных операций симультанного действия, взаимнопреднастроенных в языковой способности

говорящего и взаимообуславливающих характер осуществления друг друга, коррелирующее с когнитивной обработкой человеческим сознанием объективной действительности, с одной стороны, и с опытным знанием говорящим синтаксических свойств и семантического потенциала сочинительной связи, с другой [Сигал, 2018, с. 158].

Попытки классифицировать основания, лежащие в основе паратаксиста, многочисленны, но очевидно, что применительно к художественному тексту главным основанием упорядоченности компонентов в паратактической структуре будут являться особенности категоризационной (когнитивной) деятельности автора.

Явления конфликтного паратаксиста уже рассматривались нами на материале монтажной прозы Б. Л. Пастернака [Соловьева, 2022], основные признаки которой связаны с метонимичностью, ассоциативностью, имплицитностью связей, симультанностью. Следствием этого и является конфликтный паратаксист, суть которого заключается в том, что в паратактических «предложениях-образах» при наличии общей скрытой интенции сохраняется внутренняя семантическая несогласованность, разорванность, отрывистость, перекомпоновка обрывков в параллельные группы, связанные ближними и дальними контекстами; двусмысленность, создающая добавочные значения; имплицитность, подсказываемая структурой контекста и фоном подтекста.

Рассмотрим один из примеров: *...Люди входят, снимают пальто, идут в калошах (1) в столовую, в кабинет, в чай (2). Пожалте. Раздевайтесь. Снимайтесь. В столовую. Чай. А? Глаш. Кат...* (3) [Б. Л. Пастернак. Три главы из повести, с. 347]. Параллелизм паратактических рядов, дискурсивные компоненты в структуре монтажного ряда, слабость связи, открытость структуры, смешение модусов восприятия (зрительного и слухового) демонстрируют соположенность симультанных компонентов, объединенных точкой зрения наблюдателя и пространственно-временным контекстом. Конфликтность паратаксиста, обусловленная смысловой разнородностью и непрототипической структурой паратактического ряда, демонстрирует синкретизм ментальной и хронотопической референций. Однако соположенность разнородных компонентов ряда на основе имплицитных связей, восстанавливаемых на уровне функционально-семантических категорий темпоральности, локативности, таксиста и модусной организации, уравнивает монтажный фрагмент.

Отношения в структуре паратактического ряда могут быть классифицированы как определенная мыслительная классификация, «вероятностный процесс», определяющий потенциальную сочинимость компонентов. Сознание не просто классифицирует явления окружающей действительности, но и определенным образом их ранжирует, «сортирует» по важности и делает это с помощью сочинительной связи, которая функционирует на уровне синтагматики и парадигматики, так как для того, чтобы в сознании говорящего сформировался сочинительный ряд необязательно, чтобы были соблюдены все условия однородности, для неё достаточно какой-то общности, наличие в их значении общей семы [Норман, 2013, с. 181]. Соположенность сочиненных компонентов основывается

на глубинных схемах, которые либо существуют в сознании автора, либо рождаются в акте речетворчества.

Термин *конфликтный паратаксис* актуализирует основные структурные особенности и сложные семантические отношения, возникающие в структуре паратактических рядов на уровне текста. Конфликтность паратаксиса проявляется в наличии пространственных и временных стыков, швов, возникающих между соположенными компонентами паратактического ряда.

Современная постмодернистская проза содержит богатый материал для анализа конфликтного паратаксиса. В широком смысле постмодернизм связан с «кризисом», невозможностью зафиксировать жесткие, замкнутые системы, случайностью и бессознательным, где человек – скорее случай, чем выбор. В постмодернистской прозе принцип монтажности: коллажность, симультанность, дискурсивность становятся определяющими признаками творческого мышления, в ней стирается грань между сферами духовной культуры и уровнями сознания, её прагматика заключается в трансляции коммуникационных смыслов и тактике их разгадывания.

Паратактический ряд строится на основе накопления симультанных образов, закрепляющихся в памяти и связан с модусом восприятия и его сменой, пространственно-временной организацией фрагмента текста, интенсивностью выражаемого смысла [Карповская, 2010, с. 41]; [Шейгал 1981, с. 6]. Выбор членов паратактического ряда определяется авторской интенцией: *Рассматривая пиджаки и плащи, порой привезенные на экспертизу за тысячи километров, они решали, кого грохнули, а кто будет жить и сможет через какой-то срок вернуться на столичную сцену. К этой работе они подходили ответственно: консультировались с синклитом хирургов и не лукавили, потому что знали – за базар придется ответить **вискозой, фланелью и шелком на собственной груди*** (Пелевин В. Краткая история пейнтбола в Москве, с. 176). Симультанное продуцирование, базирующееся на совмещении различных компонентов, формирует конфликтный паратаксис. Его суть в том, что паратактический ряд при наличии общей скрытой интенции сохраняет семантическую несогласованность, создавая дополнительные имплицитные смыслы, подсказываемые конситуацией (*вискоза, фланель и шелк на собственной груди* – как показатель «достойной жизни» в России 90-х). Конфликтный паратаксис актуализирует сложные семантические отношения, возникающие в структуре паратактических рядов на уровне текста, формируя особый исторический контекст, который в текстообразовательной перспективе препятствует синтаксической перестройке высказывания [Сигал 2018, с. 165]. Кроме того, конфликтный паратаксис требует от читателя определенной пресуппозиции, в противном случае понимание текста будет затруднено.

Конфликтный паратаксис в постмодернистской современной прозе связан с понятием «сознание соположенности», так как чаще структура паратактического ряда, характер входящих в него компонентов не соответствуют основным признакам прототипической однородной сочинительной конструкции. Паратаксис, как правило, выполняет функцию «собирания» компонентов ряда. Формальной основой конфликтного паратаксиса становится соположенность компонентов ряда, когда

контекст формирует семантические условия их соединения. Следствием такого взаимодействия становится реализация метафорической модели, основанной на метонимическом уплотнении (термин Р. Якобсона), связанный с разложением общего смысла на конкретные составляющие [Якобсон, 1975, с. 204]. Каждый новый компонент ряда вызывает у читателя поток ассоциаций и представлений, они накладываются друг на друга, порождая систему сложных парадигматических отношений в рамках синтагматической конструкции.

Конфликтность паратаксиста, проявляющаяся на уровне семантической несогласованности, двусмысленности, имплицитности, стабилизируется в рамках функционально-семантических категорий темпоральности и локативности. Введение определенного исторического пространства в структуру паратактического ряда уточняет специфику восприятия того или иного события и, как следствие, его концептуализацию и соответствующую языковую интерпретацию: как процесса, свойства. Ср.: *Пройдет лет сто – двести, и историки будут гадать – то ли знамена в нашей стране были цвета пиджаков, то ли пиджаки – цвета знамен, то ли все рок-н-рол и русско-сибирский гештальт* (Пелевин В. Timeout, с. 239). Паратактический ряд включает разнородные компоненты, формально выраженные именными сочетаниями и существительными, оппозиция которых снимается в структуре ряда с общими темпоральными координатами (пройдет лет сто – двести). Каждый следующий компонент семантически исключает предыдущий. Из исторического контекста выхватываются символы, формируя прием метонимического разложения, их включение в паратактический ряд создает противоречивый метафорический образ эпохи.

Прием метонимического уплотнения в структуре паратактического ряда с конфликтным паратаксистом может быть использован при создании образа субъекта и синтезе модусов восприятия: *Он ощутил себя и понял, что то, что ощущало, – то есть он сам – складывалось из множества меньших индивидуальностей: из неземных личностей машин для преодоления пространства, пахнувших резиной и сталью; из мистической интроспекции замкнутого на себе обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи вроде гвоздей и гаек и из другого»*(Пелевин В. Жизнь и приключения сарая номер XII, с. 187).

В структуре пропозиции, представленной сложноподчиненным предложением с придаточным изъяснительным, актуализируется ментальный модус восприятия, формализованный контактной рамкой (Он ощутил и понял, что), и осложненный «разложением» субъекта восприятия на составляющие (Он = себя, что ощущало, множество индивидуальностей, личность, мистическая проекция, души). Метафоризация образа формируется на основе приема метонимического уплотнения, создаваемого структурой паратактического ряда (*множество индивидуальностей: из неземных личностей; из мистической интроспекции ... обруча; из писка душ разбросанной по полкам мелочи и из другого...*). В результате этого усиливается диалогичность текстового фрагмента, усложняющая его интерпретацию, когда созерцание становится разгадыванием.

Паратактический ряд может отражать синтез точек зрения, если находится в составе пропозиции, представленной СПП с параллельным присоединением

придаточных: *В его глазах было такое сумасшедшее желание пробиться туда, где жизнь легка и беззаботна, небо и море сини, воздух прозрачен и свеж, песок чист и горяч, машины надежны и быстры, совесть послушна, а женщины сговорчивы и прекрасны, что собравшиеся за столом чуть было сами не поверили в то, что такой мир действительно где-то существует. Но продолжалось это только секунду* (Пелевин В. Краткая история пейнтбола в Москве, с. 187). Полипропозитивный, полупредикативный паратактический ряд, актуализирующий семантику характеристики, включающий знаковую для разных субъектов информацию – систему общих смыслов – символов новой русской жизни «новых русских», приводит к совмещению их точек зрения (*В его глазах/ собравшиеся*) и концептуализирует пространство, создаваемое паратактическим рядом, увеличивая его смысловую и структурную значимость, корректируя характер синтаксических отношений.

Система сложных ментальных отношений может моделироваться паратактическими рядами с противоречивым смысловым наполнением, отражающим динамику ментального процесса героини и усиливая его дискурсивность: *Вещи поделить так: Юра пусть берет квартиру, собаку, мебель. Галя заберет дочь, что-нибудь из белья, утюг, стиральную машину. Тостер. Зеркало из коридора. Мамины хорошие вилки. Горшок с фиалкой. Вот и все, пожалуй* (Толстая Т. Спи спокойно, сынок, с. 302). Смысловая неравноценность (смысловая конфликтность) соположенных компонентов параллельных паратактических рядов компенсируется свободой синтаксической связи, намечая возможное (алогичное с точки зрения читателя) развитие сюжетной линии, и противоречивость образа героини, её нелогичных поступков, странности самой жизни.

Синтаксическое разрастание паратактической конструкции может сопровождаться усилением семантики нарастания «катастрофичности», конфликта: *Разве может он понять Галину жизнь, Галино третьесортное бытие, унижения, тычки в душу? Разве расскажешь! Разве расскажешь – ну вот хотя бы как Галя раздобыла – хитростью, подкупом, нужными звонками – билет в Большой театр – в партер!!! – один-единственный билет (правда, Юра искусством не заинтересовался), как мыла, парила и завивала себя, готовясь к большому событию, как вышла из дому на цыпочках, заранее лелея в себе золотую атмосферу возвышенного, – а была осень, грянул дождь, и такси не сыщешь, и Галя заметалась по слякоти, проклиная небеса, судьбу, градостроителей, а добравшись наконец до театра, увидела, что забыла дома туфли, а ноги-то – ой... Голенища в кляксах, на подошвах рыжие лепешки, а из них трава торчит клочьями – пырей вульгарный, снытью окраинная, гнусняк вездесущий. И даже подол в дрянце...* (Т. Толстая. Спи спокойно, сынок, с. 307).

Являясь прагматическим средством выделения и усиления, интенсивность одновременно передает чувства, эмоции адресанта [Briz 1998, p. 142]. Включение в структуру паратактического ряда дискурсивных элементов: вопросно-ответных единств, риторических восклицательных предложений, конструкций с косвенной, несобственно-прямой речью, – является проявлением не только процесса дискурсивизации текста, но и показателем смены повествовательной стратегии,

связанной с усилением роли ментативных компонентов. Слабость синтаксической связи, открытость ряда, разнородность компонентов, входящих в его структуру, интонация, – это условия, которые способствуют адаптации дискурсивных элементов в структуре паратаксиста. Например: *Женился со страхом и восторгом, наугад, ничего не понимая, – что Леночка, почему Леночка, ну да там видно будет!* (Т. Толстая Т. Спи спокойно, сынок. С. 175).

В данном случае отражается процесс зарождения ментатива, в референтной зоне паратактического ряда проявляются отношения между мыслями, идеями, формируется ментальный тип референции. Важно, что компоненты ряда (*со страхом и восторгом, наугад, ничего не понимая, – что Леночка, почему Леночка, ну да там видно будет!*) при всей своей противоречивости объединяются общей имплицитной семантикой нелогичности героя и странного отношения к себе, иллюзии жизни.

Семантика паратактических конструкций меняется в зависимости от функционального контекста и конситуации, расширяя их прагматический потенциал [Матвеева, 1993, с. 17]: *А она обвилась вокруг него, нежаркая, душой зыбкая и недоступная, со слабенькими женскими проблемками: ка-ашель, ту-уфельки велики, сюда гво-оздик вбей, Сережа, – и он вбивал гвоздики, вертел мелкие, как блюдца, туфли, – со Снегурочки все сваливается, – растирал скипидаром узкую Леночкину спину»* (Т. Толстая. Спи спокойно, сынок, с. 175).

Параллелизм паратактических рядов, соположенность сочиненных компонентов в структуре ряда становятся идеальной схемой, в которую могут укладываться самые различные по семантическому наполнению компоненты, случайно сортируемые и формирующие синтагматические и парадигматические связи одновременно. Важно, что в одном ряду сопологаются разные модусы: и героя, и героини, и их интерпретация, и из деталей складывается объемная картина совместного сосуществования. Аналогично это проявляется и в следующем случае: – ***Ты жестокий, безжалостный, чёрствый, ледяной. Ты врёшь, всё, всегда, всем, во всём. Ты не любишь меня, ты не умеешь этого.***

Потом, много лет спустя, к словам «я люблю тебя» всегда начинает крепиться подлое «но». Я люблю тебя, но. И я тебя люблю. Но...

И действительно – любят. Но ты слишком часто обижал меня. Но ты слишком много оскорбляла меня.

Я жестокий. Чёрствый и ледяной. Я умею соврать, сделать больно, не чувствовать раскаяния. Я получаю по заслугам, получаю по каменному лицу; но там, где должен быть камень, уже глина, и она ломается, осыпается, оставляет голый костяной остов. Чёрствый, и ледяной, и мёртвый (Прилепин З. Ботинки, полные горячей водкой, с. 27).

В структуре внутрирядных отношений фрагмента за счет повторов возникает смысловой и структурный параллелизм, который, с одной стороны, уравнивает фрагмент, с другой, актуализирует дискурсивный компонент в повествовании от первого лица за счет включения в структуру ряда цитируемых реплик (полифонизм), моделируя пространство диалога. Слабость синтаксической связи, открытость рядов (за исключением конструкций с противительными союзами), разнородность компонентов, входящих в его

структуру, – это условия, которые способствуют адаптации дискурсивных элементов в структуре паратаксиса. На уровне текста они являются способом выражения повышенной эмоциональности и эффективным средством компрессии нарратива.

Выводы. Итак, конфликтный паратаксис в современной постмодернистской прозе является одним из продуктивных приемов, создающих её симультанность, фрагментарность, дискурсивность.

Одним из основных признаков паратаксиса в современной прозе является его конфликтность, связанная со смысловой разнородностью компонентов, входящих в состав паратактической конструкции, формирующая его огромный прагматический потенциал, актуализирующая в тексте имплицитную семантику.

Структурирование паратактического ряда на основании какой-либо общности (общей семы, способа выражения, функции, предтекста, исторического контекста) формирует в сознании читателя ощущение однородности и создает условия для вариативных интерпретаций.

Многообразие анализируемых структур с точки зрения лексико-семантического наполнения, валентностных свойств компонентов ряда, порядка их расположения позволяют говорить об особом типе коммуникативно-прагматической однородности компонентов паратактического ряда. Сознание соположенности компонентов паратактического ряда формирует условия для их объединения в целостную конструкцию.

Анализ паратактических конструкций показывает, что процесс их структурирования связан с когнитивной обработкой автором объективной действительности, симультанностью, спонтанностью, метафоричностью, креативностью мышления, отражающими принципы категоризации окружающего мира, характерных для искусства и литературы постмодерна.

Непрототипичность конструкций с конфликтным паратаксисом делает их средством выражения повышенной эмоциональности напряженности и компрессии нарратива.

Литература

References

- Апресян, Ю. Д. (1995). *Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография*. Москва: Языки русской культуры.
- Бабайцева, В. В. (2010). *Избранное: сборник научных и научно-методических статей*. Москва; Ставрополь: СГУ.
- Белошапкова, В. А. (1977). *Современный русский язык: Синтаксис*. Москва: Высшая школа.
- Белошапкова, В. А. (1989). Синтаксис. *Современный русский язык*. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа. С. 510–551.
- Валгина, Н. С. (2003). *Современный русский язык: синтаксис*. 4-е изд., испр. Москва: Высшая школа.
- Виноградов, В. В. (1950). *Вопросы синтаксиса современного русского языка*. Москва: Учпедгиз.
- Гвоздев, А. Н. (1973). *Современный русский литературный язык*. 4-е изд. Ч. 2: Синтаксис. Москва: Просвещение.
- Грамматика русского языка* (1954). Т. 2, ч. 1: Синтаксис. Редколлегия: В. В. Виноградов [и др.]; Институт языкознания. Москва: Изд-во Акад. наук СССР.
- Ильенко, С. Г. (2003). *Русистика: избранные труды*. Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.
- Кручинина, И. Н. (1990). Бессоюзие. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Сов. энцикл. 74, 484.
- Матвеева, Г. Г. (1993). *Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*. Санкт-Петербург.
- Норман, Б. Ю. (2013). *Когнитивный синтаксис русского языка*. Москва: Флинта.
- Падучева, Е. В. (1974). *О семантике синтаксиса: материалы к трансформационной грамматике русского языка*. Москва: Наука.
- Пастернак, Б. Л. (1991). Т. 4: Повести. Статьи. Очерки. *Собрание сочинений: в 5 т.* Москва: Худ. литература.
- Пелевин, В. (2007). *Раннее и неизданное: избранные произведения*. Москва: Эксмо.
- Пешковский А. М. (1938). *Русский синтаксис в научном освещении*. 6-е изд. Москва: Учпедгиз.
- Прилепин, З. (2012). *Ботинки, полные горячей водкой: пацанские рассказы*. Москва: АСТ: Астрель.
- Прияткина, А. Ф. (2016). *Русский язык: синтаксис осложненного предложения*. Москва: Наука.
- Санников, В. З. (2008). *Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве*. Москва: Языки славянских культур.
- Сигал, К. Я. (2018). Сочинительный ряд как синтаксический контекст абсолютного употребления переходного глагола. *Филологические науки. Вопросы*
- Аpresyan, Yu. D. (1995). *Selected works. Vol. 2: Integral description of the language and systemic lexicography*. Moscow: Languages of Russian Culture. (In Russian).
- Babaitseva, V. V. (2010). *Selected: Sat. scientific and scientific method. Art.* Moscow-Stavropol: SGU. (In Russian).
- Beloshapkova, V. A. (1977). *Modern Russian language. Syntax*. Moscow: Higher School. (In Russian).
- Beloshapkova, V. A. (1989). *Syntax. Modern Russian language*. Moscow: Higher School, 510-551. (In Russian).
- Briz, Gomez A. (1998). *El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragma gramática*. Barcelona: Ariel. (In Spanish).
- Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive science*, 22(2), 133–187. (In English).
- Grammar of Russian language* (1954). Vol. 2. Part 1. Syntax. M.: Nauka. (In Russian).
- Gvozdev, A. N. (1973). *Modern Russian literary language. Part 2. Syntax*. Moscow: Enlightenment. (In Russian).
- Ilyenko, S. G. (2003). *Russian Studies: Selected Works*. St. Petersburg: Publishing house of the Herzen Russian State Pedagogical University. (In Russian).
- Jacobson, R. (1975). Linguistics and poetics. *Structuralism: "for" and "against"*. Moscow: Progress. (In Russian).
- Kruchinina, I. N. (1990). *Bessoyuzie Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Nauka, 74, 484. (In Russian).
- Matveeva, G. G. (1993). *Hidden grammatical meanings and identification of the social person ("portrait") of the speaker: author. dis. ... doc. philol. Sciences*. Saint Petersburg. (In Russian).
- Norman, B. Yu. (2013). *Russian Cognitive Syntax*. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Paducheva, E. V. (1974). *On the semantics of syntax: Materials for a transformational grammar of the Russian language*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Pasternak, B. L. (1991). *Complete Works with Applications: In 5 volumes. Vol. 4*. Moscow: Fiction. (In Russian).
- Pelevin, V. (2007). *Early and Unpublished*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Peshkovsky, A. M. (1938). *Russian syntax in scientific coverage*. Moscow: State. educational and pedagogical publishing house. (In Russian).
- Prilepin, Z. (2012). *Boots full of vodka*. Moscow: April. (In Russian).
- Priyatkina, A. F. (2016). *Russian language. Compound sentence syntax*. Moscow: Science. (In Russian).
- Sannikov, V. Z. (2008). *Russian Syntax in the Semantic-Pragmatic Space*. Moscow: Languages of Slavic cultures. (In Russian).
- Segal, K. Ya. (2018). The composing series as a syntactic context for the absolute use of a transitive verb. *Philological*

теории и практики, 2(80), ч. 1, 157–160.

Соловьева, С. А. (2022). *Синтаксис художественной прозы Б. Л. Пастернака: лингвокогнитивный аспект*: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Череповец.

Теньер, Л. (1988). *Основы структурного синтаксиса*. Москва: Прогресс.

Толстая, Т. (2012). *Невидимая дева*. Москва: АСТ.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Синтаксис (Т. 2). *Русская грамматика* (1980): в 2 т. Москва: Наука.

Ширяев, Е. М. (1986). *Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке*. Москва: Наука.

Якобсон, Р. (1975). Лингвистика и поэтика. *Структурализм: «за» и «против»*. Москва: Прогресс. С. 193–230.

Briz, Gomez A. (1998). *El español coloquial en la conversación: Esbozo de pragma gramática*. Barcelona: Ariel. (In Spanish).

Fauconnier, G., Turner, M. (1998). Conceptual integration networks. *Cognitive science*, 22(2), 133–187. (In English).

Werzbicka, A. (1969). *Dociekania cemantyczne*. Wrocław: Zakł. narod. im. Ossolinskich. (In Polish).

Sciences. Questions of theory and practice, 2(80), 157-160. (In Russian).

Shiryayev, E. M. (1986). *Non-Union Compound Sentence in Modern Russian*. Moscow: Nauka. (In Russian).

Shvedova N. Yu. (Ed.) (1980). *Syntax*. Vol. 2. Russian Grammar. Moscow: Science. (In Russian).

Solovieva, S. A. (2022.) *Syntax of B. L. Pasternak's fiction: linguo-cognitive aspect*: author. dis. ... doc. philol. Sciences. Cherepovets. (In Russian).

Tenier, L. (1988). *Fundamentals of Structural Syntax*. Moscow: Progress. (In Russian).

Tolstaya, T. (2012). *Invisible Maiden*. Moscow: AST. (In Russian).

Valgina, N. S. (2003). *Syntax of modern Russian language*. Moscow. (In Russian).

Vinogradov, V. V. (1950). *Questions of the syntax of the Russian language*. Moscow: Higher School. (In Russian).

Werzbicka, A. (1969). *Dociekania cemantyczne*. Wrocław: Zakł. narod. im. Ossolinskich. (In Polish).

Для цитирования статьи:

Соловьева, С. А. (2023). Конфликтный паратаксис в современной прозе. *VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал*, 2(7), 38–49. DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-38-49

For citation:

Soloveva, S. A. (2023). Conflict parataxis in modern prose. *VERBA. North-West linguistic journal*, 2(7), 38–49. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-2(7)-38-49